

текст 11 левой колонки) и в равной степени характеризует скульптуру Георгиевского собора. К этой же области относятся такие черты, как большая изобразительность и яркость картин, сравнений, реалистическая конкретность в деталях, свобода в цитатах, слияние книжного и фольклорного, усложнение ткани произведений, усиление личного начала в них, что в равной степени характеризует «Моление», скульптуру Георгиевского собора, галицкое летописание¹⁰ и т. д. Все это было результатом интенсивного развития светской городской культуры, подъема городских слоев населения, и даже в стилистических грубостях «Моление» представляло не снижение стиля, а его поступательное движение в смысле освобождения от церковности.

Идея сильной княжеской власти и ее «тератологическое оформление» (ср. тексты 5 и 6) тоже может считаться «чертой эпохи», так как аналогичные явления наблюдаются в Галицко-Волынской Руси. В галицкой летописи князь Роман называется «самодержцем всея Руси», его сила сравнивается с львом, ненависть к врагам — с рысью, а быстрота передвижения — с орлом.¹¹ Сын Романа князь Даниил сравнивается с матицей пчелиного улья, с источником, к которому приникают жаждущие,¹² т. е. перед нами набор тех же сравнений, что и в «Молении» (ср. текст 1, 5, 6 левой колонки).

Однако, хотя идеи сильной княжеской власти зрели и в Галицко-Волынской Руси, их все же нельзя отождествлять с тем, что происходило на Северо-Востоке. Это были синхронные процессы, но в них слишком много специфического.¹³ И не случайно, что идейно-художественное родство галицкого летописания, «Моления Даниила Заточника» и скульптуры Георгиевского собора при более аналитическом сравнении последней с «Молением» превращается в своего рода «генетическое родство».

Образ сильного, прекрасного князя-господина, конечно, довольно шаблонен, но «замещение» князем-господином самого господина (!) впервые развернуто в «Молении»¹⁴ и отразилось в скульптуре Георгиевского собора. Прославление княжеской силы нашло в скульптуре бесконечные вариации, начиная с прославления святых воинов — патронов князей и кончая рельефом св. Георгия с геральдическим щитом. Своей кульминации оно достигло в рельефе князя Святослава, размещенном выше рельефов Спаса Нерукотворного.

Далее, если «дружинная» тема в «Молении» восходит к «Слову Даниила Заточника», то в скульптуре Георгиевского собора она настолько нова, что следует предположить какие-то особые обстоятельства ее возникновения, особое идейное движение, имевшее место между возникновением «Слова Даниила Заточника» и временем сооружения собора, т. е. синхронно возникновению «Моления». По-видимому, не только при дворе Ярослава Всеволодовича, но и при дворе его брата Святослава в 20—30-х годах XIII в. задавали особый тон дворовые люди и гридьба, занимающие большой удельный вес и в «Молении», и в скульптуре Георгиевского собора. Любопытно, что в скульптуре собора, как и в «Молении», это не столько «домочадцы», сколько «от инех стран притекающая», так как

¹⁰ Там же, стр. 248—258. См. также: Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. — Исторические записки, № 12, М.—Л., 1941, стр. 233 и сл. Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. II. М., 1962, стр. 14.

¹¹ ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 155.

¹² Там же, стр. 175.

¹³ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 181.

¹⁴ Д. С. Ляхачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 116.